

0-734050 - 1

На правах рукописи

КУЗЬМИНА Елена Ивановна

**НЕОКЛАССИЦИЗМ КАК ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ
ЯВЛЕНИЕ РУБЕЖА XVIII-XIX ВЕКОВ**

10.01.01 – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Оренбург – 2001

Работа выполнена на кафедре русской классической литературы
Оренбургского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
СКИБИН Сергей Михайлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
ТРАВНИКОВ Сергей Николаевич

кандидат филологических наук, доцент
МИТЧИНА Раиса Борисовна

Ведущая организация: **Стерлитамакский государственный
педагогический институт**

Защита состоится 26 сентября 2001 г. в 14.00 на заседании
специализированного совета К 212.216.01 по присуждению учёной степени
кандидата филологических наук в Самарском государственном педагогическом
университете по адресу: 443099, г. Самара, ул. Л. Толстого, д. 47, ауд. 24.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки
Самарского государственного педагогического университета по адресу:
443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67.

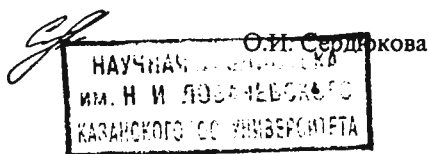
Автореферат разослан "20" августа 2001 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000503354

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Общая характеристика работы

Переходная эпоха конца XVIII - начала XIX века сконцентрировала основные проблемы века восемнадцатого и поставила вопросы, которые предстояло решать веку девятнадцатому. Сложность литературной ситуации объясняет возникновение в отечественном литературоведении множества терминов для характеристики явлений данного периода: барокко, классицизм, постклассицизм, неоклассицизм, просветительский классицизм, просветительский реализм, сентиментализм, предромантизм, романтизм, ампиризм, романтический эллинизм. На наш взгляд, менее других оказалось изученным явление неоклассицизма. Причины переосмысления античности, а также парадокс её возросшей актуальности изучены недостаточно. Мы предположили, что новое отношение к античности формировалось в том числе под влиянием общей для Европы идеологии – неоклассицизма. В России неоклассицистическая теория оказалась весьма востребованной, испытала значительную эволюцию и, главное, - способствовала появлению оригинальных произведений, которые молодая российская словесность могла предъявить как достойные “мировой литературы” (её идея появилась именно в это время).

Объектом нашего исследования явился литературный процесс рубежа XVIII-XIX веков. **Предметом** изучения – сущность неоклассицизма и роль неоклассицистической идеологии в русском литературном процессе.

В работах, посвящённых творчеству отдельных литераторов, уже отмечалось, что в этот период формируется новое отношение к античности, отличное от классицистического, и этот новый взгляд на античность влиял на осознание специфики русской литературы и путей её развития. В ряде исследований уже говорилось о неоклассицизме применительно к позиции целых литературных объединений: салона А.Н. Оленина (П.Н. Сакулин, М.И. Гиллельсон), “Арзамас” (М.И. Гиллельсон, Ц. Виттекер). Однако ещё не было попытки рассмотреть идеи неоклассицизма и их реализацию как в системе теоретических взглядов, так и в художественной практике - целостно, в развитии.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью неоклассицизма как литературно-эстетического явления. Нашей задачей не было доказательство тезиса, что неоклассицизм следует рассматривать в одном ряду с классицизмом, сентиментализмом, романтизмом, как явление одного с ними порядка. Но мы считаем необходимым привлечь внимание к этой эстетической системе, повлиявшей на художественное творчество авторов разного уровня и разных литературных позиций. На наш взгляд, без неоклассицизма картина литературной эпохи рубежа веков будет неполной.

Научная новизна исследования состоит в целостном рассмотрении неоклассицизма как литературно-эстетического явления конца XVIII - начала XIX веков. В работе уточняются европейские источники неоклассицизма, обо-

значается круг литераторов, на эстетическую и литературную позицию которых оказали влияние идеи неоклассицизма, и корпус текстов, являющихся практической реализацией, художественным воплощением этих идей.

Степень теоретической разработанности проблемы. Потребность дифференцировать классицизм XVIII века и классицизм начала XIX века возникла давно. Уже В.Г. Белинский пользуется термином “ложноклассицизм” или “псевдоклассицизм” для обозначения идеологии, провозгласившей образцом французский классицизм, а не культуру античности. Публикации, посвящённые проблеме неоклассицизма в советское время, принадлежат Е.М. Пульхритудовой, С.А. Кибальнику. При этом Е.М. Пульхритудова не прикрепляет термин “неоклассицизм” к какой-либо историко-литературной эпохе, обозначая им любое не-классицистическое отношение к античности. Тогда как С.А. Кибальник, вслед за П.Н. Сакулиным, М.И. Гиллельсоном, Ю.М. Лотманом, определяет его как явление рубежа XVIII-XIX веков. Некоторые учёные близко подходят к изучению неоклассицизма, не используя при этом сам термин и не делая его предметом специального исследования (Н.Я. Берковский, З.А. Каменский, Г.П. Макогоненко, В.Н. Орлов, Б.В. Томашевский). Чаще всего это происходит в связи с анализом наследия конкретных литераторов. Некоторые исследователи склонны актуализировать близость неоклассицизма и классицизма (З.А. Каменский), другие – его роль в становлении русского сентиментализма (Б.В. Томашевский) и романтизма (С.А. Кибальник, Ц. Виттекер). Приведённые факты свидетельствуют о необходимости специального изучения всего комплекса проблем, связанных с неоклассицизмом.

Целью работы стало выявление сущности неоклассицизма и роли неоклассицистических идей в русском литературном процессе. В связи с этим были поставлены следующие задачи исследования:

1. Определить сущность понятия “неоклассицизм”.
2. Выявить европейские истоки неоклассицизма.
3. Проследить интерпретацию и эволюцию идей неоклассицизма в России.
4. Обозначить круг авторов, в творчестве которых заметно влияние идей неоклассицизма.
5. Указать корпус текстов, являющихся художественным воплощением теории неоклассицизма.
6. Выяснить, как взаимодействовали идеи неоклассицизма с классицизмом, сентиментализмом, романтизмом в рамках творчества отдельных авторов.

Методологическая основа исследования. Теоретическую и методологическую базу исследования составляют труды ведущих учёных XX века, посвящённые характеристике исторического, литературного, культурного фона эпохи (В.Э. Вацуро, М.И. Гиллельсон, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, П.Н. Саку-

лин, Ю.Н. Тынянов), отдельным направлениям в литературе данного периода (Г.А. Гуковский, Н.Д. Кочеткова, Л.И. Кулакова, И.З. Серман, А.А. Смирнов), вопросам стиховедения (В.А. Западов, М.Л. Гаспаров), теории и практике перевода (С.С. Аверинцев, А.Н. Егунов, Ю.Д. Левин, Н.Н. Вильмонт, К.И. Чуковский), эстетическим воззрениям эпохи (А.А. Аникст, А.В. Архипова, А.А. Гозенпуд, З.А. Каменский), а также работы об отдельных поэтах, литераторах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Неоклассицизм – система эстетических принципов, направленных на воссоздание “истинной античности”. Такая установка способствовала использованию или учёту в художественной практике русских поэтов результатов исторических, археологических, этнографических, культурологических изысканий, а также стимулировала собственно филологические исследования.

2. Идеологами европейского неоклассицизма стали Винкельман и Гердер, труды которых весьма активно изучались русскими поэтами.

3. Эстетика неоклассицизма способствовала формированию принципов историзма и народности в русской литературе; неоклассицистические идеи оказали влияние на осознание национального своеобразия отечественной литературы.

4. Главные достижения неоклассицизма принадлежат сфере переводческой деятельности. Благодаря реализованным неоклассицистическим принципам перевода, читатель, знакомый с другими литературами мира, смог осознать возможности русского языка, способного вместить лексические, ритмические, фонетические богатства многих языков. Широкая читательская публика могла с этого времени знакомиться с произведениями иностранной литературы, как древней, так и современной.

5. Идеи неоклассицизма в числе других факторов обеспечивали преемственность между классицизмом, сентиментализмом, романтизмом и реализмом, частично выполнив в русской литературе задачи, которые европейская литература решила в эпоху Ренессанса.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она способствует целостному представлению об эпохе рубежа XVIII-XIX веков, конкретизирует значение понятия “неоклассицизм”, уточняет роль идей неоклассицизма в литературном процессе данного периода.

Практическая ценность. Материалы работы могут быть использованы в вузовских курсах, спецкурсах и семинарах по истории русской литературы XVIII, XIX веков, особенностям её взаимодействия с зарубежной литературой.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в выступлениях на вузовских конференциях ОГПУ, межвузовских конференциях г. Оренбурга, а также на всероссийских конференциях, проходивших в Оренбурге (1999 г.) и в Самаре (2001 г.). Выводы

опубликованы в виде статей и тезисов, список которых даётся в конце автореферата. Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русской классической литературы ОГПУ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка. Общий объём работы 188 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении даётся общая характеристика диссертации, степень и аспекты изученности неоклассицизма как явления, определяются актуальность и новизна исследования, его цели и задачи, выдвигаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава - “Становление русского неоклассицизма” - состоит из четырёх параграфов: “Истоки европейского неоклассицизма”, “Русские последователи Винкельмана (творчество Н.А. Львова, М.Н. Муравьёва)”, “Неоклассицистические тенденции в творчестве Г.Р. Державина”, “Интерпретация неоклассицизма В.В. Капнистом”. Задача главы – проследить восприятие идей европейского неоклассицизма членами литературного кружка Н.А. Львова.

Идеологами европейского неоклассицизма в последней трети XVIII века становятся Винкельман и Гердер. Это определяет значимость немецкой литературной традиции для русского неоклассицизма. Винкельман – автор “Истории искусств древности” - призывал смотреть на греческую культуру “глазами грека”, что требовало знаний о климате, общественном устройстве, обычаях, нравах, верованиях древних греков. Этот тезис фактически означал призыв к научному изучению древнегреческой культуры. Для Винкельмана греческое искусство – идеал для всех времён и народов, ибо оно создавалось в идеальных климатических условиях, при наличии гражданских свобод (идеального общественного устройства), физически совершенным народом. Так взгляды Винкельмана сближаются с идеями Руссо о возвращении к природе. Винкельман указывает на конкретность исторической эпохи, которая кажется ему недостижимым идеалом, и утверждает, что только подражание грекам – истинный путь к оригинальному искусству. Он обосновывает не внешнее копирование древнегреческих произведений, а усвоение их “духа”. При этом Винкельман уже обращается к современной национальной культуре, серьёзно изучает родной немецкий язык, что позволяет рассматривать его взгляды в сопоставлении с воззрениями деятелей Возрождения, открывшими стихию народа, а неоклассицизм характеризовать как “запоздалый Ренессанс”. Винкельман открыл Грецию для немцев. Его идеи повлияли на Лессинга, Гердера, через Гёте, Шиллера, Канта на Гёльдерлина, Фихте, Гегеля.

Гердер развивает мысль Винкельмана и призывает смотреть на любую культуру с точки зрения её создателей: на японскую – глазами японцев, на шотландскую – глазами шотландцев. Для него тоже идеалом является эпоха античности, однако более последовательное конкретно-историческое рассмотрение феномена культуры приводит Гердера к идее равноценности культур. Если Винкельман рядом с именами античных художников для сравнения ставит имена лучших представителей нового искусства (и обычно не в пользу новых), то Гердер позволяет себе увидеть не различие, а сходство в Сапфо и литовской девушке, в Тиртее и исландском воине. Он провозглашает требование быть для своего народа, в своё время тем, чем являлся Гомер для своего народа. Классицистическое (внеисторическое) подражание Гердером рассматривается уже не как путь к совершенствованию, а как причина отсутствия оригинальных поэтов и произведений.

Осознание близости античной литературы греческому фольклору заставило Гердера обратиться к народной поэзии, собиранию и переводу лирических песен разных этносов. Для русского неоклассицизма это сразу становится одним из приоритетных направлений деятельности: Н.А. Львов издаёт «Собрание русских песен», в предисловии высказывая мысль о генетической связи греческой и русской мелодики, ритмики в лирических песнях. Он пишет комическую оперу «Ямщики на подставе» с использованием фольклорного материала. В русле неоклассицизма осуществлён был выбор героев: ямщики свободны от крепостной зависимости, и этим близки героям античной литературы. Фольклорную основу античной поэзии подчёркивали члены кружка Н.А. Львова и при переводе: сам Львов с большим тактом вводит элементы разговорной и народно-поэтической речи в перевод Анакреона, Державин в «Анакреонтических песнях» сознательно совмещает два культурных плана – российский и античный. Безусловно оригинальные произведения Державина демонстрируют готовность следовать неоклассицистическому призыву быть для своего времени тем, кем были древнегреческие поэты для своего народа.

«Песни Оссиана» воспринимались членами кружка как древний эпос, что нашло отражение в переводческих опытах: В.В. Капнист полагал, что воплотить «дух» иноязычного фольклорного произведения можно, лишь используя «русский склад», таким образом достигается выразительная точность перевода, ибо текст «приближается» к русскому читателю. Державин при переводе Оссиана, напротив, стремился к воссозданию средствами русского языка жёсткости и отрывистости скандинавских языков, считая, что «дух» народа фиксируется в его языке, ритме его поэзии. Несмотря на внешнюю противопоставленность таких подходов («приближение» и «дистанцирование»), нам видится их общий пафос – донесение «духа» другого народа до русского читателя средствами родного языка. Идея близости русской и греческой культур, а также их

равноценности позволила М.Н. Муравьеву использовать гекзаметр в оригинальном произведении на отечественном материале (“Рошча”). Античный эпический размер должен был возвысить предмет поэтического изображения – труд русского крестьянина. Так русский неоклассицизм способствовал реабилитации национальной русской культуры, утверждая её равноценность с культурой античной.

Неоклассицистическое стремление точно воссоздавать колорит эпохи нашло отражение не только в особом внимании членов литературного объединения к формам, фиксирующим “дух” времени и народов, но и в обращении к сюжетам из отечественной истории, в требовании исторического, психологического правдоподобия. Так, у Державина в драматических произведениях декорации, костюмы, аксессуары, изображение нравов должны были, по мнению автора, быть абсолютно достоверными. Нарушения этого требования связаны не столько с непоследовательностью позиции поэта, сколько с уровнем современного ему научного освоения отечественной истории.

При создании “богатырской песни” “Добрыня” Н.А. Львов новаторски использует формальные особенности стиха для выражения авторской оценки героев и событий. Декларируя собственную приверженность “русскому складу”, поэт о русских богатырях повествует, используя тонический стих как исконный, принадлежащий национальной системе стихосложения, а рассказ об иноземных рыцарях облекает в порицаемые им рифмованные ямбы и хорей.

М.Н. Муравьев (“Неверность”) и Н.А. Львов (“Ночь в чухонской избе”) создали примеры первых русских баллад. При этом оба поэта используют “русский размер”, акцентирующий внимание на фольклорной основе произведения.

Таким образом, на этапе становления русского неоклассицизма происходит его взаимодействие с эстетикой классицизма: по-прежнему идеалом считается культура античности, но обращение к ней всё чаще происходит без французского посредничества. Кроме того, происходит реабилитация других культур, прежде всего собственной. Творчество поэтов кружка Львова демонстрирует интерес к отечественной истории и народной поэзии, стремление постичь “дух” народа и расширить русскую систему стихосложения за счёт фольклорных размеров. Для воссоздания “духа” другого народа при переводе использовали комментирование текстов, предисловия. Отдельные попытки сохранить при переводе формальные особенности оригинального произведения дали свои плоды (перевод Львовым Анакреона отличался высокой филологической культурой), но в литературе ещё не было понимания обязательности органического синтеза формы и содержания. Так, В.В. Капнист обосновывал перевод и Гомера, и Оссиана “русским складом”, а Н.А. Львов переложил датскую песню “на голос” русской народной. Теоретическое провозглашение национального свое-

образия пока не нашло достаточных средств для его реализации в художественной практике.

Вторая глава - "Развитие теории неоклассицизма в рамках литературных объединений" - посвящена деятельности трёх литературных объединений: салону А.Н. Оленина, Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств, Дружескому литературному обществу; при этом особое внимание уделяется творчеству В.А. Озерова, А.Х. Востокова и А.Ф. Мерзлякова.

В доме Оленина неоклассицистические интересы выразились в переосмыслении античности - сначала в архитектуре, скульптуре, прикладном искусстве, в формировании внимания к бытовому колориту, к отечественной истории (Оленина и Ермолаева считают основателями русской археологии и палеографии). Значительную роль сыграл оленинский кружок в постановке трагедий В.А. Озерова, ставших в это время главными событиями на русской сцене. Во многом успех объяснялся новым подходом к постановке драматического произведения: важным становится не только текст, но и музыкальное оформление, исторически достоверные декорации, костюмы, аксессуары, создающие колорит эпохи. Археологическая выверенность каждой пряжки на греческой сандали Эдипа, как и деталей костюмов других героев, - черта неоклассицистического восприятия античности как конкретно-исторической эпохи, а не абсолютного идеала. Все эскизы костюмов и аксессуаров были сделаны А.Н. Олениным. Его монограмма должна была удостоверить академическую верность виньетки к изданию "Фингала", выполненной братьями Ивановыми. Поэтому есть основания полагать, что именно для Оленина была важной историческая достоверность деталей. Этого не знал театр классицизма, как, впрочем, и театр античности, предпочитающий условный фон, который бы не отвлекал зрителя от основного действия. В этом смысле открытия Оленина отдалённо предваряют "лирический", "психологический" театр Чехова. Озеров не стремился к абсолютной достоверности при изображении исторических событий, обычаев - в его произведениях встречаются анахронизмы. Однако ориентация на вкус просвещённой публики требовала определённого правдоподобия, чтобы не нарушалась эмоциональная целостность, достоверность представления. На наш взгляд, Озеров двигался от классицизма к романтизму, минуя неоклассицистический этап, свойственный многим поэтам этого времени. В текстах трагедий трудно уловить то, что могло бы объединить их с идеями историзма, народности, формировавшимися в теории неоклассицизма. При этом именно произведения Озерова были восприняты как подходящие для нового способа постановок. Вероятно, это может быть объяснено особым лиризмом его драматургии: внешняя эффектность спектакля уже не отвлекала от содержания, а усиливала его эмоциональность.

Заслуга А.Ф. Мерзлякова состояла в использовании гекзаметра для переводов Гомера задолго до опытов Гнедича. Он воспринимал античность как героическую, мужественную эпоху. От переводов Тиртея с текста-посредника при знании древнегреческого языка Мерзляков в 1806 году переходит к филологическому переводу, провозгласив отказ от французского посредничества. Важной для поэта становится не политическая заострённость, злободневность произведения, а выражение в нём “духа народа”. Поэтому он старается воспроизводить не условную, а подлинную античность. Древнегреческое искусство воспринимается поэтом как народное: это нашло отражение в языке переводов и явилось толчком к изучению русского фольклора. В народных песнях, по мнению Мерзлякова, - картины нравов, чувств, “русская правда”, “русская доблесть”. Именно работа над песней привела поэта к проблеме рифмы и стихотворного размера. Он использует бедные, часто неточные рифмы. Это не свидетельство ограниченности мастерства, а особенность творческой позиции: рифмы ещё А.Н. Радищевым воспринимались как излишества, необязательные украшения, не свойственные русской традиции. “Песни и романсы” Мерзлякова производили впечатление народных во многом благодаря такой установке на приближение к фольклору, в частности, использованию чёткой внутренней рифмы пословичного типа (“тоска – свинец внутри сердец”) в качестве ритмической компенсации ослабленной роли клаузул. Мерзляков как автор песен отличался профессионализмом, хотя более поздние исследователи нашли в его произведениях погрешности против фольклорной эстетики и поэтики. Неприятие дилетантизма – черта неоклассицистического восприятия поэзии как высшей формы филологии.

Другого члена Дружеского литературного общества, Андрея Кайсарова, интерес к проблеме народности в литературе привёл к изучению славистики, русской истории и даже к требованию отмены крепостного права. Чисто эстетическая теория немецких неоклассицистов на русской почве дала неожиданные идеологические и политические плоды. Если применение идей неоклассицизма в области изучения мифологии было достаточно традиционным, то требование отмены крепостного права не следовало из них автоматически, хотя и было обусловлено взглядом на расцвет античной культуры как результат политической свободы, идеального гражданского устройства.

А.Х. Востоков – один из самых последовательных пропагандистов идей неоклассицизма. Ему особенно близким оказался пафос научного изучения культуры и словесности, выраженный в трудах немецких теоретиков. Насколько неоклассицизм стремится к научности, настолько он накладывает ограничения на творческую волю поэта. Неоклассицисты воспринимали свой труд именно как *труд*, кропотливый, скрупулёзный. Дух экспериментаторства, характерный для Востокова или Катенина, иногда доминировал в их опытах (по-

казательно название сборника Востокова – “Опыты лирические”) над поэтической непосредственностью. Чем последовательнее неоклассицист, тем он более учёный и менее поэт. Великая заслуга неоклассицизма – воспитание поэтов-профессионалов и компетентной в эстетических, художественных вопросах публики. Востоков считал необходимым освободить русский стих от оков французского стихосложения. Как образцы для этого он рассматривает античную метрику (использует сафический, гораціанский (алцейский), асклепиаде́йский размер для античных переводов и в оригинальных произведениях) и народный русский стих. Для поэта несомненным является необходимость следовать переводчику за оригиналом в “механизме стихов”, альтруистический отказ от собственного произвола. Восприятие античной поэзии как близкой фольклорной традиции привело к использованию просторечий в переводах антологических эпиграмм. Установка на формальную точность перевода обусловила обращение Востокова к элегическому дистиху, размеру большинства эпиграмм, впервые после Тредиаковского и Радищева. Интерес к национальной истории воплотился в создании поэм “Светлана и Мстислав” (1802), “Певислад и Зора” (1802), “Полим и Сияна” (1811). Изучение национальной мифологии актуализировало факт близости славянских народов и обусловило обращение к переводам народных песен западных и южных славян (“Богемские песни”, “Сербские песни”).

Принято отмечать “новое отношение” к античности у А.Х. Востокова и некоторых других членов Вольного общества. Они, в свою очередь, как на авторитет в деле реформирования русской стихотворной системы с учётом античной метрики и русских народных размеров, ссылались на А.Н. Радищева. Восприятие песен Оссиана как фольклорных произведений – в русле идей неоклассицизма – способствовало повышению интереса к изучению народного искусства. Именно иллюзия древности была условием успеха произведения Макферсона. В 1820-е годы, когда распространяется мнение о поддельном характере сочинения Макферсона, “Песни Оссиана” утрачивают былое значение для русской литературы. Некоторые члены Вольного общества по-прежнему воспринимали культуру Греции и Рима как абсолютный идеал. Наряду с этой традицией начинала формироваться другая, позволяющая говорить о влиянии идей неоклассицизма. А. Волков, переводя оду Горация, стремится к максимально точному сохранению ритмических особенностей оригинала (“К Мельпомене”, 1802). И. Борн использует полиметрические стихи в “Оде к истине”. Некоторые поэты особое внимание уделяли воссозданию картин национальной природы: так, в творчестве В.В. Дмитриева условный пейзаж рисуется традиционными силлабо-тоническими стихами (сохраняется доминирование традиции классицизма), а при изображении сибирской природы исчезает рифма и увеличивается доля сложных слов – примета греческого языка (это отражение

новой тенденции – неоклассицистической). Итак, идея самобытности культуры первоначально ассоциируется именно с осознанием специфики античности, а затем происходит введение конкретно-географических примет в картину русского национального пейзажа под влиянием неоклассицизма.

Таким образом, всё большее признание получает идея исторического, социального, географического детерминизма культуры, необходимости воссоздания “духа эпохи” в формах, соответствующих её художественной традиции. Формируется требование исторической, этнографической, психологической достоверности переводов и оригинальных произведений.

Третья глава – “Роль идей неоклассицизма в творчестве отдельных литераторов” - состоит из шести параграфов: “Неоклассицистические взгляды Н.И. Гнедича”, “Роль С.С. Уварова в распространении идей неоклассицизма”, “Своеобразие неоклассицизма в творчестве К.Н. Батюшкова”, “Проблема неоклассицизма в творчестве В.А. Жуковского”, “Неоклассицистические воззрения П.А. Катенина”, “Эволюция переводческих принципов в XVIII-XIX веках”. Некоторые из литераторов были включены в программу исследования как наиболее последовательные сторонники неоклассицистических идей (Гнедич, Уваров, Катенин), обращение к творчеству других обусловлено необходимостью уточнения имеющихся в научной литературе мнений об их близости к неоклассицизму (Батюшков). Последний параграф подводит итоги главному направлению деятельности неоклассицизма – переводу, его теории и практике.

“Илиада” Н.И. Гнедича (1829) – одно из самых значительных достижений неоклассицизма. Высокое качество этого перевода во многом обусловлено предшествующим развитием неоклассицистических идей: о необходимости филологического исследования текста оригинала и изучения реалий эпохи. Под влиянием Оленина, Уварова, других современников и в результате собственных исканий Гнедич отказывается от перевода Гомера александрийским стихом, предпочтя гекзаметр как размер национального эпоса Древней Греции. Важным условием успеха “Илиады” стало лексическое решение перевода: Гнедич чутко уловил своеобразие языка Гомера – и вслед за оригиналом расширяет “язык гостиных” за счёт просторечий, диалектов, старославянской лексики. Единственный критерий отбора для него – максимальное соответствие подлиннику, стремление достичь изобразительной и выразительной точности перевода. Закономерным с точки зрения развития неоклассицистических взглядов было обращение вслед за переводом Гомера к современности. Во “Введении” к “Простонародным песням нынешних греков” Гнедич указывает на их близость русским народным и даже отмечает возможные упреки в русификации.

Сопоставление идиллий Н.И. Гнедича “Сиракузянки” и “Рыбаки” позволяет заметить, что язык античной идиллии стремится приблизить героев к чи-

тателю (живая разговорная речь), тогда как сюжет из современной российской действительности потребовал от автора приподнятого слога. В самом жанре идиллии Гнедич отмечал не чувствительность, а простоту. Таким образом, ему была близка неоклассицистическая мысль о родстве греческой и русской культур, о народности греческой и, следовательно, о необходимости создания оригинальной русской литературы, столь же народной, как греческая.

С.С. Уваров оказал значительное влияние на формирование литературных взглядов в 1810-е годы. Он поддержал гекзаметрический перевод Гомера, совместно с К.Н. Батюшковым переводил из Греческой Антологии. Указывая на органичность александрийского стиха для французского языка, он в то же время отмечал его объективные недостатки; Уваров полагал, что для русского языка следует создать систему стихосложения, свойственную истинному характеру национального языка. При этом перевод Гомера для него непременно должен быть выполнен гекзаметром, ибо это национальный размер греческого эпоса, знак культуры, эпохи. Повторяя призывы Винкельмана, Гердера, Уваров стремится посмотреть на Антологию глазами древних. Современные исследователи весьма скромно оценивают его французские переводы из Греческой Антологии, однако роль Уварова в распространении идей неоклассицизма не исчерпывается этим практическим опытом: его мнение было значимым для Гнедича, Батюшкова, некоторых других поэтов. У современников имя Уварова ассоциировалось с защитой гекзаметра, с призывами изучать древние языки, чтобы иметь возможность постичь истинную древность.

Литературные взгляды К.Н. Батюшкова формировались под влиянием М.Н. Муравьёва, А.Н. Оленина. Горячая любовь к гармоническому искусству греков – едва ли не главный пафос его поэзии. “Пластичность” образов в поэзии Батюшкова сродни скульптурности античной поэзии. Так поэт интуитивно или сознательно воплощал установку на воссоздание духа античности её же средствами. В сфере изобразительных искусств взгляды Батюшкова близки немецким неоклассицистам, особенно Винкельману. Он осознавал историческую специфику античной культуры, как и неоклассицисты. Однако последних признание этого факта вело к филологическим, археологическим изысканиям, а для Батюшкова важной оказывалась неповторимость, невозвратимость этой гармонической эпохи. Поэтому он не изучает античность, а тоскует об её утрате; вместо неоклассицистической конкретности деталей в поэзии Батюшкова отмечается романтическая отвлечённость образов. Игнорируя при переводе проблему внешнего соответствия форме подлинника, поэт пользовался александрийским стихом и вместо элегического дистиха, и вместо итальянского одиннадцатисложника, и вместо октавы. При этом переводы Батюшкова из Антологии значительно превосходят уваровские по художественным достоинствам и по близости оригиналу. Ему был чужд неоклассицистический пафос фи-

дологических изысканий и скрупулёзность, но поэтическая чуткость позволяла Батюшкову воссоздавать первоисточник точнее, чем используемый им текст-посредник.

Как и Винкельман, но в отличие от Гердера, Батюшков избирателен в культурных симпатиях: он высоко оценивает “просвещённые” эпохи, но скептически относится к “варварским”. Допетровская история России для него – период варварства, тогда как потенциал послепетровской культуры поэт оценивает весьма высоко.

В.А. Жуковский, как и Гердер, считает, что поэт должен быть национальным, то есть “быть русским своего времени, питомцем прежних времён”. Этот тезис объединял стремление к современности и одновременно к связи с традицией. Как переводчик Жуковский в меньшей степени неоклассицист, чем Гнедич, ибо больше позволяет себе произвола в отношении подлинника. В воссоздании иноязычных произведений на русском языке можно отметить и “склонение на наши нравы” (“Людмила”), и передачу прозы стихами (“Ундина”), и игнорирование в переводе размера и строфики оригинала (“Сельское кладбище”) (Ю.Д. Левин). Однако его оригинальное творчество – реализация неоклассицистических установок на фольклорную основу литературы, изучение отечественной истории, нравов, обычаев, верований народа. Характерным следом влияния неоклассицистической идеологии на взгляды Жуковского является его убеждение, что поэт обязательно должен совершенствовать язык литературы: оценивая значение автора для литературы, он всегда упоминает, какую тот сыграл роль в развитии поэтического языка. И Мерзляков, и Жуковский входили в Дружеское литературное общество, идеология которого в целом развивалась в русле неоклассицизма. При этом неоклассицизм Мерзлякова был тогда и остался позже способом преодолеть условность, внеисторичность классицизма без явной оппозиции последнему, а неоклассицизм Жуковского сразу был и всё более становился предромантическим, а затем романтическим.

П.А. Катенин – пример безукоризненно точного выполнения неоклассицистических требований. Если Батюшков и Жуковский позволяли себе игнорировать вопрос о соответствии формы содержанию, то Катенин последователен: для переводов итальянской поэзии он создаёт форму октавы, именно его переводы “Ада” Данте стали образцом для М. Лозинского в принципах лексического воссоздания текста. “Романсы о Сиде” выполнены с максимальным следованием форме оригинала. Пользуясь переводом Гердера, поэт находил их недостаточно точными и в ряде случаев приблизил романсы к народной основе, акцентировал наивность, подчеркнул простоту нравов и суровую воинственность эпохи. Оригинальное творчество Катенина отражает интерес к европейской и отечественной истории, к народной культуре. Он создатель “простонародных”

баллад; в “Ольге”, “Убийце”, “Наташе”, “Лешем” установка на изображение народной жизни оправдывает просторечия, погрешности против правил “пристойности”. Ритмические поиски особенно отчётливы в “Мстиславе Мстиславовиче”, в котором использовано 13 различных стихотворных метров, каждый из которых мотивирован психологическим состоянием героя или стремлением автора включить повествование в определённую литературную традицию (есть и дольник, и гекзаметр, и привычные ямбы, хорей). Итак, филологический подход к проблеме перевода, последовательная выдержанность принципов историзма и народности свидетельствуют о неоклассицистической ориентации Катенина.

Русские писатели, начиная с эпохи Петра I, сознательно строили литературу как “новую”, “молодую”. В неоклассицизме получило воплощение не только стремление приобщиться к общей для европейских литератур мастерской в виде античной литературы, чтобы войти достойно, на равных в формирующуюся “мировую литературу”, но и желание восстановить прерванную с эпохой Петра Великого традицию, “связь времён”. Поэтому так внимательно изучаются летописи, памятники фольклора, славянская мифология. Трудности собирания последней влекут за собою попытки реконструкции мифологической системы (например, А. Кайсаров издаёт в Гёттингене диссертацию “Versuch einer Slavischer Mythologie”). Строительство новой литературы осознаётся как дело всенародное, косвенным свидетельством этого могут служить комментарии А.С. Шишкова к переводу английской рецензии на “Письма русского путешественника”, вышедшие из-под пера его литературного противника: Шишкова, считающего многие замечания справедливыми, задевает презрительный тон автора рецензии в отношении всей русской литературы.

Практическая переводческая деятельность позволила Гердеру сформулировать основные принципы перевода: внимание к форме оригинала, стремление передать прежде всего интонационный строй подлинника, сохранить историческое и национальное своеобразие оригинального произведения. Реализация переводческих принципов русскими поэтами позволила читателю, знакомому с другими литературами мира, осознать возможности русского языка, способного адекватно передать и идейные, и художественные особенности иноязычного произведения, а также донести как национальный “дух” чужой культуры, так и индивидуальный “дух” (стиль) автора конкретного текста. Не столь образованная публика смогла, благодаря переводам высокого качества, познакомиться с произведениями иностранной литературы, как древней, так и современной. В ряду таких художественно полноценных переводов можно назвать следующие произведения: перевод Н.А. Львовым Анакреона, античные и немецкие переводы А.Х. Востокова, античные переводы А.Ф. Мерзлякова, “Илиаду” Гнедича, его же “Простонародные песни нынешних греков”,

“Одиссею” В.А. Жуковского и его же немецкие, английские баллады и идиллии, переводы С.С. Уваровым и К.Н. Батюшковым стихотворений из Греческой Антологии, трагедию П.А. Катенина “Сид” и его же “Романсы о Сиде”. На этом пути значительные изменения претерпела система стихосложения. Традиционная для второй половины XVIII века силлабо-тоническая иногда заменялась тонической как более близкой русскому фольклору. Более востребованным становится белый стих, проникающий из переводных произведений в оригинальное творчество. Это – знак освобождения от оков французского стихосложения, которое в силу особенностей языка не может существовать без рифмы. Обращение к античной поэзии без посредничества французской словесности приводит некоторых поэтов к созданию полиметрических композиций для передачи ритмических особенностей подлинника (А.Х. Востоков: сафическая строфа, алцейский размер, асклепиадейский), а потом и к использованию их в оригинальной поэзии (А.Х. Востоков “К А.Г. Волкову”). Этот же пафос – в основе реабилитации гекзаметра после не совсем удачного опыта Тредиаковского, прежде всего для переводов Гомера (Н.А. Радищев, А.Ф. Мерзляков, А.Х. Востоков, Н.И. Гнедич, С.С. Уваров, В.А. Жуковский). Однако позже гекзаметр начинает применяться и в оригинальной поэзии, не только как знак античной литературы (примером такого использования может служить послание А. Воейкова к С.С. Уварову, подчёркивающее пристрастие последнего к эпохе эллинизма), но и вне античного контекста (В.А. Жуковский “Сказка о царе Берендее”, Н.И. Гнедич “Рыбаки”).

Переводческая деятельность под влиянием идей неоклассицизма приводит к ясному осознанию органического синтеза формы и содержания. Гомера переводят гекзаметром, антологическую поэзию – элегическим дистихом, П.А. Катенин применяет для перевода итальянской поэзии (Ариост, Тассо) октаву. Осознание национального своеобразия сначала античной культуры, а потом равноценности всех культур приводит к активному появлению “программ” построения самобытной оригинальной отечественной литературы: вопросы языка, стилей, жанров, проблема перевода тесно связаны с общественными вопросами, темой свободы, гражданственности, патриотизма.

В заключении диссертации подводятся общие итоги исследования, формулируются выводы, а также намечаются перспективы изучения неоклассицизма в русской литературе.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Отношение русских неоклассицистов и А.С. Пушкина к переводческой деятельности // “Два века с Пушкиным”: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: 17-18 февраля 1999 г. Часть 1. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 1999. – С. 160-165.

2. Черты неоклассицизма в творчестве. А.Ф. Мерзлякова // Вестник ОГПУ. – 1999.- № 5 (15). – С. 33-37.
3. Идеи неоклассицизма в кружке Оленина и в творческом наследии А.Х. Востокова // Научные труды молодых учёных ОГПУ. 1999. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 1999. – С. 50-56.
4. Фольклор в осмыслении русских неоклассицистов // Материалы научно-практической конференции “80 лет высшему образованию Оренбуржья”. – 14-15 октября 1999 г. Часть 2. Гуманитарные секции. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 1999. – С. 51-52.
5. Был ли В.А. Жуковский неоклассицистом? // Вестник ОГПУ. 2000г. - № 3 (18). – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2000. – С. 26-31.
6. Русские почитатели Винкельмана // Тезисы докладов региональной научно-практической конференции молодых учёных и специалистов Оренбуржья. – Оренбург: Издательство ОГУ, 2000. – С. 193-194.
7. Идеи неоклассицизма в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств // Русский язык и литература: Вопросы истории, современного состояния и методики их преподавания в вузе и школе. Общероссийская научная конференция языковедов России. Часть 3. – Самара: Издательство СамГПУ, 2001 - С. 50-58.
8. Черты неоклассицизма в наследии К.Н. Батюшкова // Интеллектуальный потенциал высшего педагогического образования: Материалы XXIII преподавательской и XLI студенческой научно-практической конференции ОГПУ. 25-26 апреля 2001 г.: В 3-х ч. Ч.2.: Гуманитарные секции. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2001. – С. 62-64.

ИДР № 63102

Отпечатано 24.07.2001 г.
Тираж 100 экз. Заказ № 2132.

ООО «Агентство «ПРЕССА»
г. Оренбург, ул. Комсомольская, 45
тел. 51-22-22

2p-